

ПЕРЕВОДНЫЕ СТАТЬИ / TRANSLATED ARTICLES

Ответственный за подбор *П. А. Кабанов* / Persons in charge of selection *P. A. Kabanov*

Редактор рубрики *Дж. Шаббар* / Rubric editor *J. Shabbar*

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.2.399-420>

УДК 343.11:343.9:[347.9:316.48](73)

Л. ЧАРКУДИАН¹,
Дж. Л. УОЛТЕР²,
К. ХАРМОН-ДЭРРОУ³,
Дж. БЕРНШТЕЙН²

¹ Центр медиации штата Мэриленд, г. Балтимор, США

² Управление судебных органов штата Мэриленд, г. Балтимор, США

³ Мэрилендский университет, г. Балтимор, США

МЕДИАЦИЯ В УГОЛОВНЫХ МИСДИМИНОРАХ

Лориг Чаркудиан, доктор философии, исполнительный директор, Центр медиации штата Мэриленд, член Палаты депутатов штата Мэриленд

Джейми Л. Уолтер, доктор философии, директор отдела научных и аналитических программ, Управление судебных органов штата Мэриленд

Контактное лицо:

Кэролайн Хармон-Дэрроу, доктор философии, магистр социальной работы, старший специалист программы по работе с местным сообществом в рамках Инициативы по профилактике рисков среди подростков в Балтиморской школе социальной работы, Мэрилендский университет

E-mail: charmon@ssw.umaryland.edu

Джастин Бернштейн, доктор права, магистр наук, старший научный сотрудник отдела научных и аналитических программ, Управление судебных органов штата Мэриленд

© Чаркудиан Л., Уолтер Дж. Л., Хармон-Дэрроу К., Бернштейн Дж., 2022. Впервые опубликовано на русском языке в журнале *Russian Journal of Economics and Law* (<http://rusjel.ru>) 25.06.2022

© Charkoudian L., Walter J., Harmon-Darrow C., Bernstein J., 2022

Впервые статья опубликована на английском языке в журнале *Criminology, Criminal Justice, Law & Society* and *The Western Society of Criminology* Hosting by Scholastica. По вопросам коммерческого использования обратитесь в редакцию журнала *Criminology, Criminal Justice, Law & Society (CCJLS)* и *The Western Society of Criminology*: CCJLS@WesternCriminology.org.

Цитирование оригинала статьи на английском: Charkoudian, L., Walter, J., Harmon-Darrow, C., Bernstein, J. (2021). *Mediation in Criminal Misdemeanor Cases*. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 22 (3), 14–29.

URL публикации: <https://ccjls.scholasticahq.com/article/30144-mediation-in-criminal-misdemeanor-cases>

Аннотация

Цель: заполнение пробела в изучении краткосрочного и долгосрочного влияния медиации в местных сообществах на уголовные мисдиминоры в контексте потенциально продолжающихся взаимоотношений.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений с использованием основанных на нем общенаучных и частнонаучных методов познания, включая телефонные опросы и изучение материалов дел.

Результаты: перекавалификация уголовных мисдиминоров на медиацию окружными прокурорами практикуется с 1970-х гг., однако влияние медиации на такие ключевые результаты этой процедуры, как рецидивизм, изучалось лишь в немногочисленных, уже устаревших работах. В настоящем квазиэкспериментальном исследовании проводится сравнение 78 дел с использованием медиации и 128 дел без использования медиации в двух близких по расположению и характеристикам округах. Было рассмотрено, отличается ли в течение последующего года уровень рецидивизма в делах с использованием медиации и с использованием обычной судебной процедуры. В исследовании учитывались характеристики дел и отношение к конфликту. В результате показано, что для дел без использования медиации в пять раз повышается вероятность судебного процесса, также в пять раз повышается вероятность требования суда присяжных, в десять раз повышается вероятность назначения испытательного срока под надзором или тюремного срока, тогда как в делах с использованием медиации почти в пять раз понижается вероятность участия в новом уголовном деле в течение последующего года.

Научная новизна: предварительный анализ показал наличие следующих характеристик дел в группе, где проводилась медиация, и в группе сравнения: ответчики не были ранее осуждены за тяжкие преступления, не имели множественных исков за мисдиминоры, на них не были выписаны действующие ордера на арест. Как правило, на медиацию не направляют дела, в которых фигурируют любые виды оружия, наркотики, а также нападения выше второй степени.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной, педагогической и правоприменительной деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с медиацией в уголовных мисдиминорах.

Ключевые слова: медиация, альтернативное разрешение споров, уголовный суд, мисдиминор, построение просоциальных отношений

Благодарности: Данная работа связана с более обширным исследованием альтернативного разрешения споров (АРС) в судах штата Мэриленд, проводимого Управлением судебных органов штата Мэриленд совместно с Центром медиации штата Мэриленд, Центром Боссермана по разрешению споров при Университете Солсбери, Институтом государственной службы и исследований, Мэрилендским университетом в Колледж-парке, школой права Фрэнсиса Кинга Кэри Мэрилендского университета, при финансовой поддержке Государственного института юстиции (грант № SJI-12-N-003) и судебных органов штата Мэриленд. Авторы выражают особую благодарность за непрерывную помощь и вклад следующим лицам: членам научной консультативной комиссии по АРС вышеуказанных судебных органов; С. Давиду Крамптону, который сыграл ведущую роль на ранних этапах этого исследования; Дайане Павлович, которая, будучи директором по судебной деятельности, направляла данное исследование на различных его стадиях; Халей Лешанс за ее знания в области управления проектами. Выражаем особую благодарность Лауре Дуган и Кристиану де Ритис за обратную связь и помощь при проведении статистического анализа, а также прокурорам округов Фредерик и Вашингтон, сотрудникам районных судов в этих округах.

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать русскоязычную версию статьи: Чаркудиан Л., Уолтер Дж. Л., Хармон-Дэрроу К., Бернштейн Дж. Медиация в уголовных мисдиминорах // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 2. С. 399–420. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.2.399-420>

The scientific article

L. CHARKOUDIAN¹,
J. WALTER²,
C. HARMON-DARROW³,
J. BERNSTEIN²

¹ Community Mediation Maryland, Baltimore, USA

² Maryland Judiciary, Baltimore, USA

³ University of Maryland, Baltimore, USA

MEDIATION IN CRIMINAL MISDEMEANOR CASES

Lorig Charkoudian, Ph.D., the executive director of Community Mediation Maryland, and a member of the Maryland House of Delegates

Jamie Walter, Ph.D., the Research and Analysis Program Director at the Maryland Judiciary's Administrative Office of the Courts

Contact:

Caroline Harmon-Darrow, Ph.D., M.S.W., a Senior Community Program Specialist in the Prevention of Adolescent Risks Initiative at the University of Maryland, Baltimore School of Social Work, conducting research and training with the Maryland Human Trafficking Initiative

E-mail: charmon@ssw.umaryland.edu

Justin Bernstein, J.D., M.S., a senior researcher in the Research and Analysis Program of Maryland's Administrative Office of the Courts

Abstract

Objective: to fill a research gap by examining the short- and long-term impact of community mediation in criminal misdemeanor cases within the context of potentially ongoing relationships.

Methods: dialectical approach to cognition of social phenomena, using the general scientific and specific scientific methods of cognition, based on it, including telephone polling and studying cases data.

Results: Diversion of criminal misdemeanors to mediation by district attorneys has been practiced since the 1970s, but research on its impact on critical outcomes like recidivism is scant and outdated. This quasi-experimental study compares 78 mediated cases from a county that diverts cases to mediation with 128 cases in a similar neighboring county that does not, using phone surveys and case review to ask whether recidivism in mediated cases differs from cases prosecuted or treated as usual over the subsequent year. Controlling for case factors and attitudes toward conflict, a case that is not mediated was five times more likely to result in judicial action, five times more likely to result in jury trial demand, and ten times more likely to result in supervised probation or jail time, and mediated cases were almost five times less likely to return to criminal court in the subsequent year than those that were not mediated.

Scientific novelty: Preliminary analysis of case characteristics revealed that cases in the mediation and comparison group had the following characteristics: defendants had no prior felony convictions, did not have multiple misdemeanor charges, and had no outstanding warrants. Charges involving any type of weapon, drugs, or violence more serious than second degree assault had been excluded from the comparison group since they are usually excluded from diversion to mediation.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific, pedagogical and law enforcement activities when considering the issues related to mediation in criminal misdemeanor cases.

The article was first published in English language by Criminology, Criminal Justice, Law & Society and The Western Society of Criminology Hosting by Scholastica. For more information please contact: CCJLS@WesternCriminology.org.

For original publication: Charkoudian, L., Walter, J., Harmon-Darrow, C., Bernstein, J. (2021). Mediation in Criminal Misdemeanor Cases. *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 22 (3), 14–29.

Publication URL: <https://ccjls.scholasticahq.com/article/30144-mediation-in-criminal-misdemeanor-cases>

Keywords: Mediation, Alternative dispute resolution, Criminal court, Misdemeanor, Prosocial relationship building
Acknowledgements: This study is connected to a broader study of alternative dispute resolution (ADR) in Maryland courts conducted by the Maryland Judiciary's Administrative Office of the Courts in collaboration with Community Mediation Maryland, Bosserman Center for Dispute Resolution at Salisbury University, the Institute for Governmental Service and Research, University of Maryland, College Park, and the University of Maryland Francis King Carey School of Law, with funding from the State Justice Institute (Grant number SJI-12-N-003) and the Maryland Judiciary. The researchers particularly appreciate the continued contributions and input provided by: the Judiciary's ADR Research Advisory Committee members; C. David Crumpton, who played a lead role in the early phases of this research; Diane Pawlowicz, who was instrumental in shepherding the research through multiple phases in her role as former Director of Court Operations; and Haleigh LaChance, for her project management expertise. Special thanks to Laura Dugan and Cristian de Ritis for providing feedback and guidance on the statistical analysis, and to the State's Attorneys Offices of Frederick and Washington Counties, and the District Court clerks in those locations.

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution NonCommercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation of Russian version: Charkoudian, L., Walter, J., Harmon-Darrow, C., Bernstein, J., (2022). Mediation in criminal misdemeanor cases. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (2), 399–420. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.2.399-420>

Суды по всей стране перегружены уголовными делами, особенно делами о мелком насилии. Анализ дел 11 судов штатов показал, что мисдиминоры составляют 79 % их общей нагрузки [1]. Растет понимание значимости дел с мисдиминорами, поскольку с 1972 по 2006 г. количество таких дел в масштабах страны выросло с пяти до десяти с лишним миллионов [2]. Прокуроры и защитники перегружены. Например, в Детройте рассматривается более 2 500 таких дел в год, что составляет в среднем 32 минуты на одно дело [2]. Ситуация стала немного легче в таких юрисдикциях, как Балтимор [3], где прокуратура приняла решение не рассматривать некоторые правонарушения, связанные с наркотиками и сексом (такие как проституция).

Поскольку 13 миллионов дел с мисдиминорами составляют 80 % всей годовой нагрузки уголовных судов, все больше специалистов признают криминализацию мисдиминоров ключевым фактором массового лишения свободы в Америке [4, 5]. В течение нескольких десятилетий число арестов за мисдиминоры остается стабильным или растет, тогда как уровень преступности стремительно падает, что говорит о том, что криминализируются все более мелкие правонарушения [6, 4, 5]. Даже сам факт открытия дела о мисдиминоре может иметь далеко идущие побочные последствия для ответчика, влияя на ситуацию с работой, жильем, исполнением родительских обязанностей; зачастую последствия сказываются всю жизнь, при этом непропорционально большое негативное влияние испытывают цветные сообщества [4, 5].

В делах о мисдиминоре усмотрение прокурора может иметь большое значение. Если в уголовном правонарушении участвуют знакомые между собой лица, то повышается вероятность того, что обвинение не будет выдвинуто, присяжные оправдают ответчика или приговор будет более мягким, чем в случае насилия со стороны незнакомого лица [7]. Эта разница проявляется еще сильнее при простых нападениях, когда полиция и обвинение обладают еще большей свободой действий [7]. Расовые предрассудки при принятии решений и вынесении приговоров по мисдиминорам так же вероятны, как и по более серьезным преступлениям, что было показано в исследовании уголовных мисдиминоров (за исключением нарушений на дороге) в практике окружного суда [8]. Прокуратура играет ключевую роль в развитии медиации на уровне местных сообществ, других форм альтернативного разрешения споров, как и других форм судебной переквалификации дел, в интересах расового и общественного правосудия.

Несмотря на растущее понимание важнейшей роли дел о мисдиминорах в структуре массового лишения свободы, как и ключевой роли прокуратуры в этой системе, до сих пор недостаточно исследовано влияние медиации на переквалификацию дел об уголовных мисдиминорах. В данной работе рассмотрено влияние

двух подходов обвинителей к делам о мисдиминорах: программа переквалификации через медиацию и стандартные судебные процедуры в двух соседних округах. С учетом долгосрочных позитивных результатов медиации в гражданских делах и преимуществ практики переквалификации в целом мы предполагаем, что дела с использованием медиации, участники которых, вероятно, продолжат взаимоотношения, будут иметь больше позитивных краткосрочных и долгосрочных результатов, чем дела с использованием стандартных судебных процедур.

Обзор литературы

Переквалификация дела в уголовном суде

За последние десятилетия в США и во всем мире был запущен широкий спектр программ переквалификации дел в уголовном суде [9, 10]; это реакция на повышение нагрузки на суды, полицию, прокуратуру и адвокатуру, а также на высокий уровень рецидивизма и лишения свободы в области этих незначительных правонарушений [4, 5]. В целом программы переквалификации вступают в действие на досудебном этапе или при вынесении приговора, становясь альтернативой судебному разбирательству или лишению свободы [9]. Многие из этих программ преследуют терапевтические цели и основаны на принципах исправительного правосудия и терапевтической юриспруденции, обладая при этом различной структурой, методами и философией [11, 12]. Три самых выдающихся примера обширной деятельности по переквалификации дел в уголовном суде – это суды по делам о наркотиках [13], суды, направленные на подзащитных с психическими проблемами [14], и программы по переквалификации дел о проституции [10]. Бывший главный судья Верховного суда штата Флорида Геральд Коган подчеркивал необходимость досудебного решения дел с незначительными правонарушениями: «Пора покончить с затратной и вредной практикой, превратившей наши суды по мисдиминорам в бездумные обвинительные машины» (цитируется по [2. Р. 279]).

Многие виды незначительных уголовных правонарушений переквалифицируются в рамках программ восстановительного правосудия, например, медиации между жертвой и преступником, местных собраний, семейных собраний, кружков восстановительного правосудия, чаще всего в делах молодых правонарушителей [15, 16], а также в рамках программ разрешения конфликтов, например, арбитража, местных советов, собраний по урегулированию, медиаций [17]. Однако степень влияния разрешения споров на преступность остается неизученной, особенно в отношении взрослых преступников.

Деятельность по разрешению конфликтов и восстановительное правосудие

По сравнению с 1970-ми гг. программы по разрешению конфликтов в США значительно выросли и теперь предлагают широкий спектр мер по урегулированию конфликтов между сторонами. В местных сообществах работают некоммерческие центры медиации, «прерыватели» уличных конфликтов, кружки восстановительного правосудия и многое другое. Всего в США действует более 400 программ медиации в местных сообществах [18, 19] и, по оценкам ученых, более 700 программ восстановительного правосудия [20]. Немногочисленные, но постоянно появляющиеся исследования показывают, что службы по разрешению конфликтов ассоциируются с удовлетворением требований сторон [21], повышением влияния и права голоса участников [22, 23], формированием чувства общности и взаимопонимания [24, 25], снижением враждебности [26], улучшением совместной деятельности родителей [22, 27, 23], повышением коллективизма в деятельности соседей [28], повышением уровня способностей и навыков участников и медиаторов [29], уменьшением вероятности возбуждения гражданских исков [22, 23], снижением индивидуального уголовного рецидивизма [30, 31], снижением уровня насилия с применением оружия [30], разрешением конфликтов [32].

Что такое медиация?

Медиация – это добровольный и конфиденциальный процесс разрешения конфликта лицом к лицу с помощью нейтральных медиаторов. На общенациональном уровне совместными усилиями таких профессиональных групп, как Американская арбитражная ассоциация, Американская ассоциация юристов и Ассоциация

по разрешению конфликтов, было выработано следующее определение медиации: «Процесс, в рамках которого незаинтересованная третья сторона способствует общению и переговорам и добровольному принятию решения сторонами спора» [33. Р. 2; 34]. При медиации участники конфликта проговаривают свою точку зрения, определяют проблемы, вырабатывают план действий и могут оформить принятые решения в виде письменного соглашения.

Что такое медиация в местном сообществе?

Будучи частью службы по разрешению конфликтов, местные центры медиации – это организации, объединяющие медиаторов-добровольцев из всех слоев местного сообщества и предоставляющие услуги бесплатно или по скользящей шкале; они получают дела из различных источников и на любой стадии конфликта и предоставляют услуги медиации там, где произошел конфликт [35–37]. Как показало недавнее исследование с участием 117 из имеющихся, по оценкам, в США 450 местных центров медиации, 74 % из них были независимыми некоммерческими организациями, 13 % являлись частью многоцелевых служб, 5 % являлись частью государственных несудебных структур, менее 1 % работали при судах, 5 % были основаны при университетах, 3 % имели иную структуру [18].

По оценкам, в США в разрешении семейных, соседских и организационных конфликтов на уровне местных сообществ участвуют около 30 тысяч медиаторов-добровольцев; результатом их деятельности является укрепление местных сообществ и ежегодная экономия 17,8 млн долларов на судебных, местных и государственных расходах [38]. На местном уровне медиаторы – это добровольцы из самых разных слоев общества, прошедшие профессиональную подготовку для работы в центрах медиации для разрешения споров в семьях, между соседями, на рабочем месте и других конфликтов [18, 36, 39]. В одном из исследований было показано, что 14 центров медиации в штате Массачусетс сэкономили около 909 400 долларов за счет бесплатных услуг 505 медиаторов-добровольцев, при этом добровольцы работают во всех без исключения центрах [37].

Подход к практике медиации: инклюзивная медиация

В данном исследовании в качестве практического подхода к организации медиации в местном центре штата Мериленд используется инклюзивная медиация. Согласно классическим представлениям о подходах к медиации [40, 41], инклюзивная медиация является скорее побуждающей, чем оценочной; в процессе медиаторы слушают и проговаривают то, что услышали, но им запрещено давать советы или предположения, анализировать правовые сильные и слабые стороны позиций участников. Инклюзивный подход к медиации был разработан в Мериленде в 1990-е гг. и использует инклюзивные ценности медиации в качестве практической основы структуры процесса медиации на уровне местного сообщества. Инклюзивность состоит в принятии любых идей без попыток их отсеивания или изменения, а также в работе со всеми видами самовыражения без использования каких-либо образцов или правил общения [42]. Инклюзивная медиация отличается от моделей медиации между жертвой и преступником, которые часто предлагаются для переквалификации дел в уголовном правосудии, тем, что медиаторы не определяют заранее участников в качестве жертвы или правонарушителя, а индивидуальные встречи с участниками до этапа медиации не проводятся [43].

Исследования результатов медиации в уголовном суде

При обзоре работ, посвященных результатам медиации в уголовном суде, важно отделять медиацию между жертвой и преступником от стандартных практик медиации; в последних участники медиации не идентифицируются, не проходят какой-либо подготовки, к ним относятся одинаково. Ранние исследования проблем медиации между жертвой и преступником (далее – МЖП) показывают высокий уровень удовлетворенности как жертв, так и правонарушителей, высокий уровень признания процесса в качестве справедливого, а также более высокую степень возмещения ущерба, чем в судебных процессах [44–47]. Согласно более поздней работе, подзащитные в делах с МЖП так же часто ощущали себя жертвами, а участники считали восстановление отношений и возможность высказать свое мнение более важными целями медиации, чем

снижение расходов на процесс [48]. В целом работы как по медиации между жертвой и преступником, так и по стандартным практикам медиации являются немногочисленными и устаревшими. Далее мы приводим краткий обзор результатов стандартной медиации в уголовном суде.

Исследования связывают медиацию со снижением числа исков, судебных процессов и обвинительных приговоров в уголовном суде, а также с такими положительными непосредственными результатами, как более высокий уровень удовлетворенности, соблюдения правил медиации, чувства справедливости, разрешения скрытых конфликтов, снижения страха и гнева. Так, в штате Нью-Йорк из 1 327 уголовных дел, к которым применялась медиация на уровне штата в 2009 фискальном году, 83 % завершились соглашением [49]. Clarke с соавт. [50] изучили ряд окружных уголовных судов штата Северная Каролина, сравнивая результаты медиации в трех округах с результатами судебных процессов в двух округах, где не проводилась медиация. Они обнаружили снижение количества судебных процессов, обвинительных приговоров и условных приговоров в одном из округов и отсутствие отличий в двух других. При этом во всех трех округах, где использовалась медиация, наблюдались высокие уровни соблюдения правил медиации (84–98 %). Уровень подачи новых исков через 120 дней после вынесения решений был ниже в группах, где проводилась медиация, чем в группах с судебными процессами, однако различия не были статистически значимыми [50]. Общий уровень удовлетворенности стандартной медиацией по уголовным делам был высоким [50, 51]; исследования также обнаружили высокий уровень удовлетворенности и чувства справедливости в делах с использованием медиации по сравнению с судебными делами [51]. В работе, посвященной бруклинской программе медиации, было показано, что участники медиации ощущали меньше страха и гнева по отношению друг к другу, лучше понимали друг друга в период после окончания медиации, однако различия в уровне рецидивизма были незначимыми [52, 51]. В одном из самых первых исследований медиации по уголовным делам было обнаружено, что 83 % участников дел видели положительную динамику конфликта, а две трети дел закончились соглашением сторон [53].

Исследования медиации на уровне местных сообществ по инклюзивной модели и в рамках уголовного правосудия

Инклюзивная медиация применяется к конфликтам в системе уголовного правосудия с конца 1990-х гг. [42]. Согласно исследованиям, участники инклюзивной медиации в будущем реже обращаются к полиции, судам и коррекционным учреждениям. Так, в течение шести месяцев после процедуры медиации количество обращений в полицию со стороны ее участников снизилось на 8,5 обращения, что соответствует экономии примерно 4,5 часов служебного времени на каждый случай успешной медиации [54]. Проведенное квазиэкспериментальное исследование с участием большого числа специалистов по инклюзивной медиации показало статистически значимое сокращение количества обращений в полицию и суды, даже с учетом ошибки выборки и фиксирования переменных величины дохода, расовой принадлежности и отношения к конфликту [55]. При изучении инклюзивной медиации с заключенными-рецидивистами было обнаружено, что вероятность повторного тюремного заключения снижается на 10 % после первой процедуры медиации и еще на 7 % – после каждой следующей процедуры [56]. По отзывам обвинителей, сотрудничество с центром медиации города Балтимор по инклюзивной модели было «эффективной альтернативой обвинительным приговорам» (87,1 %) и могло потенциально снизить количество дел, дошедших до суда (92,7 %) [57. Р. 31].

Теоретические основы инклюзивной медиации

Инклюзивная медиация, как и в целом движение за развитие медиации на местном уровне, основывается на принципах общественного правосудия. В своем основополагающем труде «Конфликты как собственность» Nils Christie [58] выдвинул идею, что конфликт принадлежит участвующим в нем лицам и сообществам, а не обезличенному государству. Согласно этой теории, члены сообщества должны идентифицировать и выявлять конфликты, а не прятать их за государственной бюрократией, учитывая, что полиция, суды и коррекционные учреждения перегружены и не должны заниматься множеством проблем, возникающих между соседями, коллегами и родственниками. Эти положения привели к созданию теорий общественного правосудия и вос-

становительного правосудия. В обоих этих подходах правонарушители не отвергаются, но становятся участниками с правом голоса и правом на возмещение ущерба, как это было в античных системах правосудия. В широком смысле теория восстановительного правосудия считает, что преступление совершается против жертвы и сообщества, а не против государства, и стремится привести жертву и правонарушителя к диалогу по поводу возмещения ущерба (см. [59, 60, 45, 61, 62] и многие другие).

Теории общественного правосудия и соседского правосудия, созданные Christie [58] и Auerbach [63], гласят, что многие конфликты более эффективно разрешаются между соседями, чем если в них вовлечено государство (см. также [64]). Tomasic и Feeley [65] и Shonholtz [39] на основе этих идей создали движение за развитие медиации на местном уровне, дав возможность местным сообществам самим разрешать споры с помощью процедур, которые проводят местные жители с различным жизненным опытом (см., например, [66, 67]).

Отталкиваясь от традиций теории социальной дезорганизации [68], социологи [69] связали снижение уровня преступности с усилением сплоченности и коллективизма в сообществах, а прекращение противоправных действий – с возникновением просоциальных взаимоотношений [70]. Модели медиации в местных сообществах и инклюзивной медиации тесно связаны с теориями о коллективной эффективности и сплоченности между соседями как факторах, защищающих от преступности и упадка. Согласно этим теориям, сообщества с крепкими связями как между жителями, так и с внешними ресурсами могут эффективно противостоять насилию и непосредственно управлять делами [71–73, 69, 74]. Некоторые из мер, направленных на решение местных конфликтов, опираются на эти теории, а также на идею о том, что более тесные взаимоотношения со сверстниками, родственниками и соседями способствуют прекращению преступной деятельности и снижают уровень рецидивизма (см., например, [75, 76, 28]).

Цели исследования

Учитывая, что лишь немногие уголовные суды применяют медиацию при переквалификации дел, особенно для взрослых правонарушителей, данное исследование призвано заполнить пробел в изучении краткосрочного и долгосрочного влияния медиации в местных сообществах на уголовные мисдиминоры в контексте потенциально продолжающихся взаимоотношений. В первую очередь мы ожидаем обнаружить, что краткосрочные результаты дела, такие как предрасположенность к совершению преступлений, вынесение приговора, лишение свободы, будут более благоприятны для тех правонарушителей, кто проходил процедуру медиации, по сравнению с контрольной группой, проходившей стандартную судебную процедуру, с учетом характеристик дел и первоначального отношения к конфликту и суду. Во-вторых, если в делах, где стороны связаны определенными взаимоотношениями, медиация затрагивает факторы глубинных отношений (например, социально-благоприятные связи и крепкие отношения, которые обсуждались выше), то использование медиации, вероятно, приведет к снижению рецидивизма по гражданским или уголовным делам в долгосрочной перспективе, также с учетом характеристик дел и первоначального отношения к конфликту и суду.

Методы

Мы выбрали метод квазиэкспериментальной группы сравнения, так как он рекомендован для использования с уязвимыми группами населения [77], а также потому, что рандомизированные контролируемые испытания считаются неприемлемыми для исследований групп с различными показателями лишения свободы; это достаточно распространенная точка зрения [78]. Кроме того, рандомизированные контролируемые испытания требуют значительных ресурсов, которыми зачастую не обладают исследователи программ уголовного правосудия [79. P. 7]. Данные собирались путем телефонных опросов и изучения судебных дел. Участниками были жертвы и ответчики по уголовным мисдиминорам в небольших загородных и пригородных округах штата Мэриленд (округа Фредерик и Вашингтон). Эти юрисдикции были выбраны потому, что они близки по размеру (150–250 тысяч человек), экономическим показателям (средний уровень дохода, низкий уровень бедности), демографии (более 70 % белых), центр каждого округа – небольшой город с похожими показателями (менее 75 тысяч человек населения), что дает возможность провести достоверное квазиэкспериментальное сравнение [80].

Выборка

Исследование охватывало участников 78 дел с использованием медиации и 128 дел без использования медиации (группа сравнения). Дела первой группы были переданы в местный центр медиации из прокуратуры округа Вашингтон. Для использования медиации они должны отвечать следующим требованиям: ответчики не имели ранее судимости, выдвинуто обвинение в незначительном мисдиминоре (например, угроза физическим насилием второй степени, телефонное мошенничество, преследование, злонамеренная порча имущества до 500 долларов, кража до 1000 долларов, хулиганство), стороны связаны или были связаны отношениями. Прокуратура передавала дела на медиацию, если инцидент произошел между лицами, которые знакомы друг с другом и будут продолжать свои отношения после завершения дела. Сюда включаются, но не ограничиваясь ими, члены семьи, соседи, друзья, особенно лица, которые живут вместе или в непосредственной близости друг от друга. Дела о домашнем насилии, как правило, не передавались на медиацию; также исключались дела, в которых участники были вовлечены в дела об опеке на момент подачи иска.

Дела группы сравнения были предоставлены прокуратурой округа Фредерик, где нет действующей программы медиации, и включали только дела с теми же правовыми характеристиками, что и дела, подвергшиеся процедуре медиации в экспериментальном округе. Для обеспечения однородности при отборе дел со схожими характеристиками использовался специальный бланк сортировки.

Процедура

Опросы

Медиация. Сотрудники местного центра медиации оповещали авторов исследования о направлении дела прокуратурой штата на медиацию. Если стороны соглашались на медиацию, перед ее началом один из авторов объяснял суть проекта и получал письменное согласие. Затем участников отводили в разные комнаты и соединяли по телефону с другими исследователями, которые проводили опрос. Такая процедура была выбрана как в целях эффективности, чтобы оба опроса проходили одновременно, так и для целей сравнения, так как опросы в контрольной группе проводились по телефону. За участие в опросе участники получали по почте чек на 10 долларов.

Группа сравнения

Как минимум один раз в неделю исследователи посещали офис секретаря суда округа Фредерик и просматривали вновь поданные уголовные иски, отбирая их согласно критериям, по которым в округе Вашингтон дело было бы передано на медиацию. Опросы проводились по телефону в течение двух недель после подачи иска. Поскольку прокуратура может принять решение не возбуждать дело (в случае отказа истца от предъявленного им иска), участников спрашивали, знают ли они о решении прокуратуры относительно иска. Из анализа были исключены дела, в которых стороны знали об отказе истца от предъявленного им иска.

Исследователи отслеживали отобранные дела через публичный сайт *Maryland Judiciary Case Search*¹, проверяя, вызван ли ответчик в уголовный суд. После этого один из исследователей пытался связаться с ним по телефону.

Для проведения опросов были обучены один исследователь и шесть помощников. Интервьюер получал согласие участника перед проведением опроса; в качестве поощрения участники опроса получали по почте чек на 10 долларов. Все процедуры получили одобрение Совета по научным исследованиям с участием человека Университета Солсбери.

¹ URL: <http://casesearch.courts.state.md.us/casesearch>

Характеристика дела

Участникам задавали следующие вопросы: как долго продолжаются их отношения с другой стороной конфликта; разговаривали ли они с другими участниками конфликта с целью решить проблемы; как долго продолжался конфликт, который привел к подаче иска; вызывали ли полицию. В случае использования медиации записывали также количество проведенных сеансов медиации.

Обзор судебной документации

Авторы рассматривали дела по следующим обвинениям: нападение второй степени, злонамеренная порча имущества, кража, телефонное мошенничество, нарушение границ частной собственности, преследование, нарушение общественного порядка, нарушение односторонних постановлений (например, запрета приближаться). Для анализа использовались следующие данные: количество дел по каждому типу обвинения, количество дел по нарушениям односторонних постановлений, имелось ли задержание ответчика, исход дела, пользовался ли участник дела услугами юриста, было ли дело объединено с другими подобными делами или присутствовали встречные иски (т. е. выступали ли оба участника одновременно истцами и ответчиками), был ли вынесен приговор по делу, участвовали ли те же лица в других уголовных или гражданских судах в течение последующих 12 месяцев. Исследователи зафиксировали следующие краткосрочные результаты судебной процедуры: прохождение через судебный процесс (признание виновным, признание невиновным, испытательный срок до суда либо внесудебное разбирательство, включая отказ истца от предъявленного им иска), требование суда присяжных, назначение условного срока под наблюдением или тюремного срока, получение записи о судимости (тюремном заключении или испытательном сроке, кроме испытательного срока до суда). Также были зафиксированы следующие долгосрочные результаты: иск в уголовный суд (те же лица подают новые уголовные иски друг против друга, повторное открытие того же дела, нарушение испытательного срока по первоначальному делу) в течение 6 и 12 месяцев или иск в гражданский суд от тех же лиц друг против друга в течение 12 месяцев от даты первоначального судебного заседания.

Переменные

Взаимоотношения

Участникам задавали следующий вопрос: какие отношения связывают/связывали их с противоположной стороной конфликта, по категориям: супруги (партнер или супруг(а)), сексуальные партнеры или бывшие сексуальные партнеры (любовник/любовница, бывший любовник/бывшая любовница, расстались/развелись, имеют общего ребенка), другие члены семьи (другие члены семьи, родитель – ребенок), личные отношения (друг, сосед по комнате, сосед), неличные отношения (отношения по работе, бизнесу, клиенты, хозяин жилья/жилец, незнакомцы).

Отношение к конфликту

Для выявления отношения к конфликту до процедуры медиации или судебного заседания использовалась специально разработанная авторская методика. Участников просили выразить по шкале лайкертовского типа (1 = совершенно не согласен; 5 = совершенно согласен) свое отношение к следующим утверждениям (в скобках указано название переменной): 1. «Я думаю, существуют разные способы решить проблему, которая привела к данному иску» (разные способы). 2. «Важно, чтобы нужды другого человека/других людей были удовлетворены при решении проблемы, которая привела к данному иску» (важность нужд других людей). 3. «Важно, что я понимаю, чего хотят другие люди/другой человек относительно проблемы, которая привела к данному иску» (понимание других). 4. «Другой человек/другие люди должны понять, что они неправы в вопросе, который привел к данному иску» (понять, что они неправы). 5. «Важно, чтобы нужды другого человека/других людей были удовлетворены при решении проблемы, которая привела к данному иску» [повтор пункта в оригинале. – Прим. переводчика] (нужды удовлетворены). 6. «Для меня важно иметь позитивные отношения с человеком/людьми, участвующими в проблеме, которая привела к данному иску»

(важность позитивных отношений). 7. «Я чувствую, что не могу контролировать проблему, которая привела к данному иску» (отсутствие контроля). 8. «Человек/люди, участвующие в проблеме, которая привела к данному иску, хотят противоположного тому, что хочу я» (противоположные желания). 9. «Я могу поговорить о том, что меня волнует с человеком/людьми, участвующими в проблеме, которая привела к данному иску» (возможность поговорить). 10. «Вероятно, все останется по-прежнему, независимо от того, что я сделаю относительно проблемы, которая привела к данному иску» (отсутствие влияния). 11. «В целом конфликт – это негативное явление» (конфликт негативен). 12. «Я чувствую, что готов идти в суд» (готовность). По каждому пункту подсчитывались средние баллы для всех участников каждого иска. Данная шкала показала хороший уровень внутренней достоверности: коэффициент надежности Кронбаха составил 0,723.

Анализ

Для оценки возможной ошибки отбора и выбора соответствующих ковариат был проведен предварительный анализ частотности и бивариантный анализ, включая хи-квадрат и критерий Стьюдента. Анализ основных компонент с ортогональным вращением факторов методом варимакс проводился в программе *Stata* 8.0 [81]; с его помощью были эмпирически определены кластеры сгруппированных переменных как соответствующие предикторы для анализа результатов. Также анализ основных компонент служил для создания индексных переменных, обозначающих отношение участников к конфликту, при этом минимальная эйгенвеличина была установлена равной 1. Анализ основных компонент, примененный к 12 вопросам об отношении к конфликту, выявил три основных компоненты. Новые переменные были обозначены следующим образом (буква *P* означает, что анализ проводился на уровне отдельного участника; пункты шкалы и факторные нагрузки указаны в скобках): «*P*-понимание» («понимание других», +0,52), «*P*-мои интересы» («нужды удовлетворены», +0,43, «понять, что они неправы», +0,48), «*P*-конфликт» («конфликт негативен», +0,83).

Для формирования сходных групп и снижения ошибки выборки мы использовали метод отбора подобного по вероятности (склонности) [82, 83], который также применялся в подобных квазиэкспериментальных исследованиях с группой сравнения при изучении способов разрешения конфликта (см., например, [56, 84]). Наконец, коэффициенты неравенства для анализа краткосрочных и долгосрочных результатов были получены с помощью логистической регрессии в программе *Stata* 8.0 [81].

Результаты

Предварительный анализ

Предварительный анализ показал наличие следующих характеристик дел в группе, где проводилась медиация, и в группе сравнения: ответчики не были ранее осуждены за тяжкие преступления, не имели множественных исков за мисдиминоры, на них не были выписаны действующие ордера на арест. Как правило, на медиацию не направляют дела, в которых фигурируют любые виды оружия, наркотики, а также нападения выше второй степени. В табл. 1 показаны характеристики дел, взаимоотношения между сторонами, а также отношения участников к конфликту.

Хотя дела отбирались по критериям, используемым прокуратурой штата, между делами, передаваемыми на медиацию и проходящими судебные процедуры, могут быть другие отличия, особенно учитывая, что участие в медиации является добровольным. В делах с медиацией чаще подавались встречные иски (т. е. ответчик заявлял встречный уголовный иск по тому же инциденту), $\chi^2(1,206) = 22,11, p = 0,000$; чаще проводились переговоры с противоположной стороной с целью разрешения конфликта, $\chi^2(1,192) = 12,61, p = 0,000$; реже использовалась помощь юриста, $\chi^2(1,203) = 3,82, p = 0,04$, чем в группе сравнения. Не было обнаружено отличий по показателям вызова полиции, наличия связанных дел (т. е. исков помимо рассматриваемого), связей между участниками (супруги (партнер или супруг(а)), сексуальные партнеры или бывшие сексуальные партнеры (любовник/любовница, бывший любовник/бывшая любовница, расстались/развелись, имеют общего ребенка), другие члены семьи (другие члены семьи, родитель – ребенок), личные отношения (друг, сосед по комнате, сосед), неличные отношения (незнакомцы, деловые отношения/клиент, хозяин жилья/жилец, работодатель/работник)). Дела не отличались также по показателю наличия ареста ответчика по данному делу.

Общая статистика
Table 1. Summary Statistics

Переменная / Variable Name	Количество / N	Частота / Frequency	Процент / Percent	Интервал / Range	Среднее (стандартное отклонение) / Mean (SD)
Экспериментальная группа: медиация / Treatment Group: Case Mediated	206	78	38		
Группа сравнения: обычная процедура / Comparison Group: Case treated as usual	206	128	62		
Характеристики дела / Case Characteristics					
Количество сеансов медиации / Number of Sessions	206			0-10	0,64 (1,16)
Встречные иски / Cross-Charged	206	58	28		
Помощь юриста / Attorney Present	205	119	59		
Длительность отношений / Relationship Length	196			0-792	123,97 (148,18)
Обсуждение проблемы / Prior Conversations	192	84	44		
Длительность конфликта / Issue Timeframe	196			0-480	21,09 (51,49)
Вызов полиции / Police Called	174	139	80		
Арест ответчика / Defendant Arrested	201	44	22		
Связанные иски / Related Case	202	79	39		
Отношение к конфликту до медиации или суда / Attitudes Toward Conflict Before Mediation or Court					
Разные способы / Number of Ways	204			1-5	3,93 (1,14)
Важность моих нужд / Importance of my Needs	203			1-5	4,42 (0,63)
Понимание других / Understanding Other	203			1-5	3,70 (1,14)
Понять, что они неправы / Learn they're Wrong	203			1-5	4,28 (0,88)
Важность нужд других людей / Importance of their Needs	203			1-5	3,50 (1,15)
Важность позитивных отношений / Importance of Positive Relationship	203			1-5	3,29 (1,39)
Отсутствие контроля / No Control	202			1-5	3,61 (1,05)
Противоположные желания / Opposite wants	202			1-5	3,22 (1,11)
Возможность поговорить / Can talk	202			1-5	2,66 (1,34)
Отсутствие влияния / No impact	202			1-5	3,36 (1,09)
Конфликт негативен / Conflict is negative	202			1-5	4,09 (0,75)
Готовность / Prepared	202			1-5	3,74 (0,97)
Взаимоотношения участников / Participants' Relationship to Each Other					
Супруги / Spouses	203	32	16		
Сексуальные партнеры/бывшие сексуальные партнеры / Lovers/ Ex-lovers	206	74	36		

Окончание табл. 1 / End of the Table 1

Переменная / Variable Name	Количество / N	Частота / Frequency	Процент / Percent	Интервал / Range	Среднее (стандартное отклонение) / Mean (SD)
Другие члены семьи / Other Family	206	39	19		
Личные отношения / Personal	206	39	19		
Неличные отношения / Not Personal	206	16	8		
Обвинения / Charges					
Нападение второй степени / 2nd Degree Assault	206			0–6	0,98 (0,82)
Злонамеренная порча имущества / Malicious Destruction	206			0–1	0,10 (0,30)
Кража / Theft	206			0–6	0,09 (0,50)
Телефонное мошенничество / Telephone Misuse	206			0–2	0,04 (0,23)
Нарушение границ частной собственности / Trespassing	206			0–3	0,05 (0,29)
Преследование / Harassment	206			0–1	0,07 (0,25)
Нарушение общественного порядка / Disturb the Peace	206			0–1	0,02 (0,14)
Нарушение односторонних постановлений / Violate ex Parte	206			0–4	0,21 (0,63)
Краткосрочные и долгосрочные результаты дел / Short- & Long-Term Case Outcomes					
Отказ истца от предъявленного им иска / Nolle Prose	207	159	77		
Судебный процесс / Judicial Action	206	43	21		
Требование суда присяжных / Jury Trial Prayed	206	19	9		
Условный срок под наблюдением или тюремный срок / Supervised Probation or Jail	206	16	8		
Запись о судимости / Resulted in Record	205	16	8		
Участие в уголовном суде в следующие 12 месяцев / Criminal Return 12 Months	202	15	7		

Мы изучили разницу средних значений по характеристикам дел, включая показатели данного дела. В делах с использованием медиации ($M = 1,2$, $SD = 0,79$) по сравнению с делами без использования медиации ($M = 0,83$, $SD = 0,81$) было выдвинуто значительно больше обвинений в нападении второй степени $t(204) = 3,2$, $p < 0,01$. По другим обвинениям, как и по показателям длительности взаимоотношений и длительности конфликта, не было выявлено значимых отличий.

При изучении разницы средних значений по показателям отношения до начала медиации были обнаружены отличия для каждой вновь созданной переменной. Для дел с использованием медиации ($M = 0,89$, $SD = 1,13$) по сравнению с делами без использования медиации ($M = -0,59$, $SD = 1,59$) показатели фактора «P-понимание» были выше: $t(197) = 7,16$, $p < 0,001$. Для дел с использованием медиации ($M = -0,83$, $SD = 1,47$) по сравнению с делами без использования медиации ($M = 0,55$, $SD = 1,32$) показатели фактора «P-мои интересы» были ниже: $t(197) = 6,89$, $p < 0,001$. Наконец, для дел с использованием медиации ($M = -0,22$, $SD = 0,8$) по сравнению с делами без использования медиации ($M = 0,15$, $SD = 1,19$), показатели фактора «P-конфликт» были ниже: $t(197) = 2,43$, $p < 0,05$.

С учетом вышеуказанных различий мы применили отбор подобного по вероятности (склонности) для выравнивания дел в группе, где использовалась медиация, и в группе сравнения. Затем на этих данных была построена логистическая регрессия. В отборе подобного по вероятности (склонности) участвовали переменные, имеющие значимую разность средних значений между экспериментальной и контрольной группами, а также другие переменные, для которых имелись теоретические основания полагать, что они будут различны. Использовались следующие переменные: Встречные иски; Помощь юриста; Сексуальные партнеры/бывшие сексуальные партнеры; Супруги; Обсуждение проблемы; Нападение второй степени; Злонамеренная порча имущества; Нарушение односторонних постановлений; «Р-мои интересы», «Р-понимание», «Р-конфликт». Коэффициенты склонности определялись на основе двух ближайших соседних элементов, требование выравнивания удовлетворялось в шести блоках.

Краткосрочные результаты

Был обнаружен значительный отрицательный усредненный эффект воздействия медиации на краткосрочный результат переменных «прохождение через судебный процесс» (коэффициент = -0,27, $z = -3,58$, $p < 0,05$), «требование суда присяжных» (коэффициент = -0,15, $z = -2,78$, $p < 0,05$), «назначение условного срока под наблюдением или тюремного срока» (коэффициент = -0,10, $z = -3,38$, $p < 0,05$). Значительные усредненные эффекты воздействия необходимо учитывать при отборе наблюдений для включения в анализ на основе их коэффициента склонности. По результатам отбора подобного по вероятности (склонности) из дальнейшего анализа были исключены 17 наблюдений в группе сравнения.

Переменные включались в логистический регрессионный анализ, если обладали статистически значимой разностью средних значений между экспериментальной и контрольной группами, или были значимыми для прогнозирования принадлежности дела к группе, где использовалась медиация при отборе подобного по вероятности, или были значимыми для прогнозирования вероятности прохождения через судебный процесс согласно отбору подобного по вероятности (склонности). Проверка на корреляцию между всеми предложенными переменными показала, что ни одна из переменных не имела корреляции 0,5 и выше, что означает отсутствие мультиколлинеарности (табл. 2).

Таблица 2

Результаты логистического регрессионного анализа: краткосрочные результаты медиации

Table 2. Logistic Regression Analysis Results: Mediation on Short-Term Court Outcomes

Переменная / Variable Name	Прохождение через судебный процесс / Judicial Action	Требование суда присяжных / Jury Trial Demand	Условный срок под наблюдением или тюремный срок / Supervised Probation or Jail
Медиация / Mediated	-1,99** (-3,08)	-1,81* (-2,00)	-2,33* (-1,98)
Встречные иски / Cross-Charged	-1,30* (-2,07)	-0,28 (-0,36)	-1,15 (-1,02)
Помощь юриста / Attorney Involved	0,19 (0,44)	-0,95 (-1,68)	0,14 (0,23)
Обсуждение проблемы / Prior Conversations	-0,37 (-0,73)	-0,27 (-0,41)	-0,74 (-1,00)
Супруги / Spouses	0,71 (1,20)	0,61 (0,85)	0,89 (1,13)
Нападение второй степени / 2nd Degree Assault	0,46 (1,66)	0,13 (0,37)	-0,24 (-0,44)
Злонамеренная порча имущества / Malicious Destruction	1,59* (2,07)	1,21 (1,38)	0,49 (0,39)

Переменная / Variable Name	Прохождение через судебный процесс / Judicial Action	Требование суда присяжных / Jury Trial Demand	Условный срок под наблюдением или тюремный срок / Supervised Probation or Jail
Нарушение односторонних постановлений / Violate Ex Parte	0,79** (2,59)	0,18 (0,46)	-0,81 (-0,85)
Арест ответчика / Defendant Arrested	1,04* (2,01)	0,42 (0,67)	1,07 (1,56)
<i>P</i> -понимание / <i>P</i> Understand	-0,09 (-0,56)	0,16 (0,74)	-0,26 (-1,08)
<i>P</i> -мои интересы / <i>P</i> Me First	0,08 (0,44)	0,09 (0,38)	-0,40 (-1,56)
Константа / Constant	-1,53** (-2,92)	-1,62** (-2,63)	-1,81* (-2,41)
Количество наблюдений / Number of Observations	181	181	181
Псевдо хи-квадрат / Pseudo Rsquared	0,2375	0,1487	0,2202

Примечание: * Значимо при $p < 0,05$.

** Значимо при $p < 0,01$.

Note: * Significant at $p < 0,05$.

** Significant at $p < 0,01$.

Как видно из табл. 2, использование медиации обратно пропорционально вероятности прохождения через судебный процесс, требования суда присяжных, назначения условного срока под наблюдением или тюремного срока. Кроме того, наличие встречных исков было обратно пропорционально вероятности прохождения через судебный процесс. Такие показатели, как обвинение в злонамеренной порче имущества и нарушении запрета на приближение, а также арест ответчика, были прямо пропорциональны вероятности прохождения через судебный процесс. Такие же логистические регрессии были построены для переменной количества сеансов медиации вместо переменной, обозначающей сам факт использования медиации, показав сходные результаты.

Долгосрочные результаты

На первом этапе процедуры проводился отбор подобного по вероятности (склонности). Для этого использовались переменные, имеющие значительную разницу средних величин между экспериментальной и контрольной группами, а также другие переменные, для которых имелись теоретические основания полагать, что они будут различны. Использовались следующие переменные: Встречные иски, Помощь юриста, Нападение второй степени, Злонамеренная порча имущества, Телефонное мошенничество, Отказ истца от иска, *P*-мои интересы, *P*-понимание, Обсуждение проблемы, Супруги.

Коэффициенты склонности определялись на основе двух ближайших соседних элементов, требование выравнивания удовлетворялось в пяти блоках. Средний эффект от воздействия медиации был значимым и отрицательным для параметра «участие в уголовном процессе в течение 12 месяцев» (коэффициент = -0,90, $z = -2,54$, $p < 0,05$).

В логистический регрессионный анализ включались переменные, для которых в уравнении, предсказывающем вероятность прохождения судебной процедуры, значение z было больше 1,00 согласно отбору подобного по вероятности (склонности). Таким образом, были исключены 33 наблюдения контрольной группы. Они были также исключены из базы данных, чтобы последующий логистический регрессионный анализ проводился с базами данных экспериментальной и контрольной групп, соответствующими друг другу, на основе

отбора подобного по вероятности (склонности). Кроме того, ни одна из переменных не имела корреляции 0,5 и выше, что означает отсутствие мультиколлинеарности.

Как показано в табл. 3, среди зависимых переменных статистически значимое положительное влияние имели следующие: участие в уголовном процессе в течение 12 месяцев и участие в уголовном процессе в течение 6 месяцев, наличие встречных исков, обвинение в телефонном мошенничестве.

Таблица 3

Результаты логистического регрессионного анализа: долгосрочные результаты медиации

Table 3. Logistic Regression Analysis Results: Mediation on Long-Term Return to Court

Переменная / Variable Name	Участие в уголовном процессе в течение 12 месяцев / Criminal return 12 months	Участие в уголовном процессе в течение 6 месяцев / Criminal return 6 months	Участие в гражданском процессе в течение 12 месяцев / Civil return 12 months
Медиация / Mediated	-1,66* (-2,06)	-1,2 (-1,57)	-0,49 (-0,82)
Встречный иск / Cross-Charged	1,90* (2,43)	1,86* (2,44)	0,84 (1,53)
Злонамеренная порча имущества / Malicious Destruction	1,50 (1,76)	1,01 (1,09)	0,49 (0,57)
Телефонное мошенничество / Telephone Misuse	2,15* (2,33)	2,12* (2,35)	0,77 (0,99)
P-понимание / P understand	0,98 (0,38)	0,05 (0,18)	0,39 (1,65)
Обсуждение проблемы / Prior Conversations	1,60 (1,74)	1,37 (1,51)	-0,55 (-0,80)
Супруги / Spouses	0,74 (0,92)	0,68 (0,85)	1,10 (-0,30)
P-конфликт / P Negative	-0,21 (-0,71)	-0,15 (-0,48)	-0,07 (0,78)
Константа / Constant	-4,14 (-4,78)	-4,22 (-4,98)	-2,92 (-3,54)
Количество наблюдений / Number of Observations	166	180	167
Псевдо хи-квадрат / Pseudo R-Squared	0,1826	0,1521	0,0779

Примечание: * Значимо при $p < 0,05$.

** Значимо при $p < 0,01$.

Note: * Significant at $p < 0,05$.

** Significant at $p < 0,01$.

Медиация показала отрицательное влияние на участие в уголовном процессе в течение 12 месяцев, при этом влияние на участие в уголовном процессе в течение 6 месяцев было статистически незначимым. По показателю участия в гражданском процессе в течение 12 месяцев ни одна из переменных не была статистически значимой. В случае использования медиации прогнозируемая вероятность участия в уголовном процессе в последующие 12 месяцев составила 1,7 %, а прогнозируемая вероятность участия в уголовном процессе в последующие 12 месяцев при использовании стандартной судебной процедуры составила 8,2 %. В случае использования медиации вероятность участия в судебном процессе в последующие 12 месяцев была на 75 % ниже.

Обсуждение

Настоящее исследование показало, что медиация по уголовным делам существенно влияет на несколько значимых областей, включая краткосрочные и долгосрочные результаты дел. Участие в медиации имело статистически значимое отрицательное влияние на вероятность прохождения через судебный процесс, требования суда присяжных, назначения условного срока под наблюдением или тюремного срока. Прогнозируемая вероятность прохождения через судебный процесс составила 5,3 % для дел с использованием медиации и 29 % без таковой. Прогнозируемая вероятность требования суда присяжных была 2,4 % для дел с использованием медиации и 13 % без использования медиации. Прогнозируемая вероятность назначения условного срока под наблюдением или тюремного срока составила чуть ниже одного процента (0,9 %) для дел с использованием медиации и 8,3 % без ее использования. Надежность этих данных обеспечена учетом многочисленных характеристик дел и первоначального отношения к конфликту.

Анализ долгосрочных результатов показал, что медиация оказывает статистически значимое отрицательное влияние на вероятность совершения теми же участниками новых уголовных правонарушений в последующие 12 месяцев. Не было отмечено статистически значимого влияния на вероятность такого события в последующие 6 месяцев. Это может объясняться тем, что ситуация не успевает за это время дойти до такой степени, которая приводит к новому контакту с системой уголовного правосудия. Медиация не оказывала статистически значимого влияния на вероятность совершения теми же участниками гражданского правонарушения в последующие 12 месяцев.

В случае использования медиации прогнозируемая вероятность совершения теми же участниками нового уголовного правонарушения в последующие 12 месяцев составила 1,7 %; в случае обычного судебного процесса такая вероятность составила 8,2 %. Таким образом, участники дел, не проходившие медиацию, почти в пять раз чаще снова оказывались в уголовном суде в последующие 12 месяцев. Медиация экономит ресурсы судов и правоохранительных органов как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе.

Полученные результаты свидетельствуют о снижении уровня рецидивизма, что отличается от более ранних исследований индивидуального уголовного рецидивизма после медиации на уровне местных сообществ по уголовным делам по направлениям судов (см. [52], на основе данных 1970-х гг.), где такая связь не была выявлена. В контексте повторных тюремных заключений мы также наблюдаем более сильную связь с использованием медиации, чем сообщалось ранее [56]. В целом наши результаты подтверждают связь между уровнем уголовного рецидивизма и другими формами разрешения конфликтов и мерами восстановительного правосудия для взрослых правонарушителей [85, 86, 30, 31, 87].

Переквалификация мисдиминоров чрезвычайно важна как один из вариантов социального правосудия, поскольку ответчики из цветных и бедных групп населения непропорционально часто подвергаются наказанию по делам о мисдиминорах [4, 5]. При грамотном применении переквалификация дела и его передача в бесплатную службу медиации с целью проработки конфликтов, приведших к мисдиминору, является инструментом снижения числа заключенных [88] и достижения социальной и расовой справедливости, давая альтернативные возможности тем группам населения, которые слишком часто сталкиваются с системой уголовного правосудия. Изучение медиации на уровне местных сообществ могло бы значительно выиграть от работы в этом направлении.

Ограничения и будущие исследования

Основным ограничением данного исследования является малый объем выборки, который не позволяет выявить статистически значимые отношения между переменными через логистическую регрессию. Кроме того, более широкий набор данных дал бы возможность провести более детальный анализ, изучить взаимоотношения между переменными или влияние на отдельные подгруппы. Существенную проблему представляло общение с участниками по телефону, по многим причинам, включая отсутствие или нечеткость информации в обвинительных актах, а также невозможность связаться с участниками даже после 5–6 попыток. В идеале это исследование будет проведено повторно на более обширной и разнородной выборке, с контролем распре-

деления по городским, пригородным и сельским юрисдикциям. Кроме того, в данной работе медиация по всем делам проводилась в рамках одной программы медиации на уровне местных сообществ и с использованием только инклюзивного подхода. Это обстоятельство усиливает внутреннюю достоверность результатов, но снижает внешнюю валидность, поскольку результаты в других округах могут оказаться иными.

Практическое применение

Полученные результаты важны для целей практического применения в судах первой инстанции, в работе местных правоохранительных органов, а также для лиц, участвующих в рассматриваемых конфликтах. Среди примеров практического и политического применения можно назвать продолжение и расширение практики перекалфикации уголовных дел по мисдиминорам в направлении медиации, особенно в случае продолжения контактов между участниками. В более широком смысле результаты исследования важны для обсуждения повышения роли внеправовых стратегий при решении проблем сообществ и снижения рецидивизма в системе уголовного правосудия.

Будущие исследования могут быть направлены на изучение медиации в уголовном процессе в рамках более масштабных программ, с более широкими критериями включения, в более крупных городских юрисдикциях. Было бы интересно сопоставить характеристики процедур медиации, включая действия отдельных медиаторов, с результатами судебных процессов, чтобы выявить, какие действия медиаторов связаны со снижением рецидивизма и другими положительными результатами. В настоящей работе исследовались только дела, в которых участники были связаны прошлыми или текущими взаимоотношениями; в будущем можно также исследовать показатели долгосрочного уголовного рецидивизма в случаях, когда отношения не поддерживаются, чтобы определить возможные индивидуальные (не связанные с отношениями) преимущества медиации. Кроме того, при наличии большого количества переданных на медиацию дел с угрозами второй степени можно было бы изучить влияние процедуры медиации на продолжение насильственных действий между участниками.

Заключение

Настоящее квазиэкспериментальное исследование посвящено изучению дел о мисдиминорах, направленных прокуратурой на процедуру медиации. Авторы сравнили медиацию на уровне местных сообществ по инклюзивной модели с подобными делами в другом округе, прошедшими через обычную судебную процедуру. Было обнаружено, что использование медиации приводит к значимому снижению прогнозируемой вероятности не только краткосрочных результатов, таких как судебный процесс, требование суда присяжных, назначение условного срока под наблюдением или тюремного срока, но и уголовного рецидивизма в течение последующего года. Медиация экономит ресурсы за счет сокращения издержек судов и правоохранительных органов в краткосрочной и долгосрочной перспективе, а также является многообещающим инструментом достижения социальной и расовой справедливости благодаря возможностям перекалфикации дел и снижения показателей лишения свободы.

Список литературы / References

1. LaFountain, R. C., Schauffler, R. Y., Strickland, S. M., Raftery, W., Bromage, C., Lee, C., Gibson, S. (2008). *Examining the work of state courts, 2007: A national perspective from the Court Statistics Project*. Court Statistics Project. https://www.courtstatistics.org/_data/assets/pdf_file/0020/40853/Examining-the-Work-of-State-Courts-2007,-A-National-Perspective-from-the-Court-Statistics-Project.pdf
2. Roberts, J. (2011). Why misdemeanors matter: Defining effective advocacy in the lower criminal courts. *UC Davis Law Review*, 45, 277–372. https://digitalcommons.wcl.american.edu/facsch_lawrev/289/
3. Prudente, T. (2021, March 26). Marilyn Mosby declares war on drugs over, formalizes policy to dismiss all possession charges in Baltimore. *The Baltimore Sun*. <https://www.baltimoresun.com/news/crime/bs-md-ci-cr-mosby-stops-drug-prosecutions-20210326-7ra6pn2a4zcxenj6hmfv4wj6li-story.html>

4. Kohler-Hausmann, I. (2018). *Misdemeanorland: Criminal courts and social control in an age of broken windows policing*. Princeton University Press.
5. Natapoff, A. (2018). Punishment without crime: How our massive misdemeanor system traps the innocent and makes America more unequal. *Basic Books*.
6. Alexander, M. (2010). *The new Jim Crow: Mass incarceration in the age of colorblindness*. The New Press.
7. Hessick, C. B. (2007). Violence between lovers, strangers, and friends. *Washington University Law Review*, 85 (2), 343–407. https://openscholarship.wustl.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1149&context=law_lawreview
8. Leiber, M. J., Blowers, A. N. (2003). Race and misdemeanor sentencing. *Criminal Justice Policy Review*, 14 (4), 464–485. <https://doi.org/10.1177/0887403403254492>
9. Center for Health and Justice. (2013). *No entry: A national survey of criminal justice diversion programs and initiatives*. Treatment Alternatives for Safe Communities. https://www.centerforhealthandjustice.org/tascblog/Images/documents/Publications/CHJ%20Diversion%20Report_web.pdf
10. Shdaimah, C. (2020). Prostitution diversion programs. In F. P. Bernat, K. Frailing (Eds.), *The encyclopedia of women and crime*. John Wiley & Sons.
11. Wexler, D. B., Winick, B. J. (1990). Therapeutic jurisprudence as a new approach to mental health law policy analysis and research. *University of Miami Law Review*, 45, 979. https://doi.org/10.1007/978-1-4757-4038-7_18
12. Wolf, R. V. (2007). *Principles of problem-solving justice*. Center for Court Innovation. <http://www.courtinnovation.org/sites/default/files/Principles.pdf>
13. Nolan, Jr. J. L. (2003). Redefining criminal courts: Problem-solving and the meaning of justice. *American Criminal Law Review*, 40, 1541–1565.
14. Hiday, V. A., Ray, B. (2010). Arrests two years after exiting a well-established mental health court. *Psychiatric Services*, 61 (5), 463–468. <https://doi.org/10.1176/ps.2010.61.5.463>
15. Sherman, L. W., Strang, H., Mayo-Wilson, E., Woods, D. J., Ariel, B. (2015). Are restorative justice conferences effective in reducing repeat offending? Findings from a Campbell systematic review. *Journal of Quantitative Criminology*, 31 (1), 1–24. <https://doi.org/10.1007/s10940-014-9222-9>
16. Strang, H., Sherman, L. W., Mayo-Wilson, E., Woods, D., Ariel, B. (2013). Restorative justice conferencing (RJC) using face-to-face meetings: A systematic review. *Campbell Systematic Reviews*, 9 (1), 1–59. <https://doi.org/10.4073/csr.2013.12>
17. Eisenberg, D. T. (2015). What we know and need to know about court-annexed dispute resolution. *South Carolina Law Review*, 67, 245–265. <https://scholarcommons.sc.edu/sclr/vol67/iss2/6>
18. Charkoudian, L., Bilick, M. (2015). State of knowledge: Community mediation at a crossroads. *Conflict Resolution Quarterly*, 32 (3), 233–276. <https://doi.org/10.1002/crq.21112>
19. Corbett, J. R., Corbett, W. E. H. (2011). *The state of community mediation 2011*. National Association for Community Mediation. <https://ssrn.com/abstract=2030467>
20. Umbreit, M. S., Greenwood, J. (2000). *Directory of victim-offender mediation programs in the United States*. U. S. Department of Justice, Office of Justice Programs, Office for Victims of Crime. https://www.ncjrs.gov/ovc_archives/reports/restorative_justice/restorative_justice_ascii_pdf/ncj176349.pdf
21. Alberts, J. K., Heisterkamp, B. L., McPhee, R. M. (2005). Disputant perceptions of and satisfaction with a community mediation program. *The International Journal of Conflict Management*, 16 (3), 218–244. <https://doi.org/10.1108/eb022930>
22. Charkoudian, L., Walter, J. L., Eisenberg, D. T. (2017). What works in custody mediation? Effectiveness of various mediator behaviors. *Family Court Review*, 56 (4), 544–571. <https://doi.org/10.1111/fcre.12375>
23. Maryland Judiciary Court Operations. (2015). *What works in child access mediation: Effectiveness of various mediation strategies on immediate and long-term outcomes*. Maryland Judiciary Administrative Office of the Courts. <https://mdcourts.gov/sites/default/files/import/courtoperations/pdfs/familyfullreport.pdf>
24. Kaufer, L., Noll, D. E., Mayer, J. (2015). Prisoner-facilitated mediation: Bringing peace to prisons and communities. *Cardozo Journal of Conflict Resolution*, 16, 187–219.
25. Ohmer, M. L., Warner, B. D., Beck, E. (2010). Preventing violence in low income communities: Facilitating residents' ability to intervene in neighborhood problems. *Journal of Sociology and Social Welfare*, 37 (2), 161–181. <https://doi.org/10.1080/10705422.2012.700278>
26. Shuval, K., Pillsbury, C. A., Cavanaugh, B., McGruder, L., McKinney, C. M., Massey, Z., Groce, N. E. (2010). Evaluating the impact of conflict resolution on urban children's violence-related attitudes and behaviors in New Haven, Connecticut, through a community-academic partnership. *Health Education Research*, 25 (5), 757–768.
27. Emery, R., Laumann-Billings, L., Waldron, M., Sbarra, D., Dillon, P. (2001). Child custody mediation and litigation: Custody, contact, and co-parenting 12 years after initial dispute resolution. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 69 (2), 323–332. <https://doi.org/10.1037/0022-006x.69.2.323>

28. Ohmer, M. L. (2016). Strategies for Preventing Youth Violence: Facilitating Collective Efficacy Among Youth and Adults. *Journal of the Society for Social Work and Research*, 7 (4), 681–705. <https://doi.org/10.1086/689407>
29. Pincock, H. (2013). Does mediation make us better? Exploring the capacity-building potential of community mediation. *Conflict Resolution Quarterly*, 31 (1), 3–30. <https://doi.org/10.1002/crq.21077>
30. Harmon-Darrow, C. (2020). Conflict resolution interventions and tertiary violence prevention among urban nonintimate adults: A review of the literature. *Trauma, Violence and Abuse*. <https://doi.org/10.1177/1524838020918672>
31. Jonas-van Dijk, J., Zebel, S., Claessen, J., Nelen, H. (2020). Victim-offender mediation and reduced reoffending: Gauging the self-selection bias. *Crime & Delinquency*, 66 (6–7), 949–972. <https://doi.org/10.1177/0011128719854348>
32. Abramson, L., Moore, D. (2001). Transforming conflict in the inner city: Community conferencing in Baltimore. *Contemporary Justice Review*, 4 (3–4), 321–340. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195394641.003.0007>
33. American Arbitration Association, American Bar Association, & Association for Conflict Resolution. (2005). *Model standards of conduct for mediators*. https://www.americanbar.org/content/dam/aba7administrative/dispute_resolution/dispute_resolution/model_standards_conduct_april2007.pdf
34. Weidner, L. E. (2006). Model standards of conduct for mediators (2005). *Ohio State Journal on Dispute Resolution*, 21 (2), 547–568. <https://doi.org/10.1037/e515672010-001>
35. Baron, L. (2004). Commentary: The case for the field of community mediation. *Conflict Resolution Quarterly*, 22 (1–2), 135–144. <https://doi.org/10.1002/crq.95>
36. Hedeem, T. (2004). The evolution and evaluation of community mediation: Limited research suggests unlimited progress. *Conflict Resolution Quarterly*, 22 (1–2), 101–133. <https://doi.org/10.1002/crq.94>
37. Jeghelian, S., Palihapitiya, M., Eisenkraft, K. O. (2014). *Massachusetts Community Mediation Center Grant Program: Fiscal Year 2014 Report & Evaluation*. University of Massachusetts, Boston, Massachusetts Office of Public Collaboration. https://scholarworks.umb.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1011&context=mopc_pubs
38. Corbett, J. R., Corbett, W. E. H. (2013). Volunteer mediators: The composition, contribution & consequence of ADR altruists. *Advancing Alternative Dispute Resolution*. <http://blog.advancingdr.org/2013/08/volunteer-mediators-composition.html>
39. Shonholtz, R. (1987). Citizens' role in justice: Building a primary justice and prevention system at the neighborhood level. *Annals of the American Academy of Political & Social Science*, 494, 4253. <https://doi.org/10.1177/0002716287494001005>
40. Kressel, K., Henderson, T., Reich, W., Cohen, C. (2012). Multidimensional analysis of conflict mediator style. *Conflict Resolution Quarterly*, 30 (2), 135–171. <https://doi.org/10.1002/crq.21061>
41. Riskin, L. L. (1996). Understanding mediator orientations, strategies and techniques: A grid for the perplexed. *Harvard Negotiation Law Review*, 1, 7–51.
42. Harmon-Darrow, C., Charkoudian, L., Ford, T., Ennis, M., Bridgeford, E. (2020). Defining inclusive mediation: Theory, practice, and research. *Conflict Resolution Quarterly*, 37 (4), 305–324. <https://doi.org/10.1002/crq.21279>
43. Umbreit, M. S., Vos, B., Coates, R. B., & Lightfoot, D. (2006). Restorative justice: An empirically grounded movement facing many opportunities and pitfalls. *Cardozo Journal of Conflict Resolution*, 8, 511–564.
44. Evje, A., Cushman C. R. (2000). *A Summary of the evaluations of six California victim-offender reconciliation programs*. The Judicial Council of California. <https://www.courts.ca.gov/documents/vorp.pdf>
45. Latimer, J., Dowden, C., Muise, D. (2005). The effectiveness of restorative justice practices: A meta-analysis. *The Prison Journal*, 85 (2), 127–144. <https://doi.org/10.1177/0032885505276969>
46. Umbreit, M. S., Coates, R. B. (1992). *Victim offender mediation: An analysis of programs in four states of the U.S.* Citizens Council Mediation Services, Minnesota Citizens Council on Crime and Justice. <https://www.oip.gov/pdffiles1/Digitization/140263NCJRS.pdf>
47. Umbreit, M. S., Coates, R. B., Vos, B. (2001). *Juvenile victim offender mediation in six Oregon counties*. Center for Restorative Justice and Peacemaking, University of Minnesota. http://rjp.dl.umn.edu/sites/rip.dl.umn.edu/files/media/juvenile_vom_oregon.pdf
48. Hoerres, T. (2014). *Analysis of the efficacy of criminal court mediation as a tool of restorative justice* [Master's capstone paper]. School for International Training Graduate Institute. <https://digitalcollections.sit.edu/capstones/2681>
49. New York State Unified Court System. (2009). *Community Dispute Resolution Centers Program statistical supplement*. <https://ww2.nycourts.gov/sites/default/files/document/files/2018-07/SS09-10.pdf>
50. Clarke, H. S., Valente, Jr., E., Mace, R. R. (1992). *Mediation of interpersonal disputes: An evaluation of North Carolina's programs*. Institute of Government, University of North Carolina.
51. McGillis, D. (1997). *Community mediation programs: Developments and challenges*. National Institute of Justice.
52. Davis, R. C. (2009). The Brooklyn mediation field test. *Journal of Experimental Criminology*, 5 (1), 25–39. <https://doi.org/10.1007/s11292-008-9067-z>

53. Felstiner, L. F. W., Williams, A. L. (1982). Community mediation in Dorchester, Massachusetts. In R. Tomasic, M. M. Feeley (Eds.), *Neighborhood justice: Assessment of an emerging idea*. Longman.
54. Charkoudian, L. (2005). A Quantitative analysis of the effectiveness of community mediation in decreasing repeat police calls for service. *Conflict Resolution Quarterly*, 23 (1), 87–98. <https://doi.org/10.1002/crq.21112>
55. Charkoudian, L. (2010). Giving police and courts a break: The effect of community mediation on decreasing the use of police and court resources. *Conflict Resolution Quarterly*, 28 (2), 142–155. <https://doi.org/10.1002/crq.21112>
56. Flower, S. (2014) *Re-entry mediation in-depth recidivism analysis*. Choice Research Associates. https://re-entrymediation.org/wp-content/uploads/2020/04/CMM_Recidivism_2014_11_2014_Final.pdf
57. Polkinghorn, B., LaChance, H., Hopson, M. (2010). An analysis of the utility and perceived impact of mediation on case management within the City of Baltimore Office of the State’s Attorney: Means of improving the flow and quality of cases going to mediation. *Bosserman Center for Conflict Resolution*.
58. Christie, N. (1977). Conflicts as property. *British Journal of Criminology*, 17 (1), 1–15. <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.bjc.a046783>
59. Bazemore, G. (2001). Young people, trouble and crime: Restorative justice as a normative theory of informal social control and social support. *Youth & Society*, 33 (2), 199–266. <https://doi.org/10.1177/0044118x01033002004>
60. Braithwaite, J. (1989). *Crime, shame and reintegration*. Cambridge University Press.
61. Umbreit, M. S. (1994). Crime victims confront their offenders: The impact of a Minneapolis mediation program. *Research on Social Work Practice*, 4 (4), 436–447. <https://doi.org/10.1177/104973159400400402>
62. Zehr, H. (1990). *Changing lenses*. Herald Press.
63. Auerbach, J. (1983). *Justice without law?* Oxford University Press.
64. Clear, T. R., Karp, D. R. (1999). The community justice ideal: Preventing crime and achieving justice. *Westview Press*. <https://doi.org/10.4324/9780429496738>
65. Tomasic, R., Feeley, M. (1982). *Neighborhood justice*. Longman.
66. Schwerin, E. (1995). *Mediation, citizen empowerment, and transformational politics*. Praeger.
67. Wahrhaftig, P. (2004). *Community dispute resolution, empowerment and social justice: The origins, history and future of a movement*. NAFCM Press.
68. Shaw, C. R., McKay, H. D. (1942). *Juvenile delinquency and urban areas*. University of Chicago Press.
69. Sampson, R. J. (2006). Collective efficacy theory: Lessons learned and directions for future inquiry. In F. T. Cullen, J. P. Wright, K. R. Blevins (Eds.), *Taking stock: The status of criminological theory* (pp. 149–167). Taylor & Francis.
70. Sampson, R. J., Laub, J. H. (1995). *Crime in the making: Pathways and turning points through life*. Harvard University Press.
71. Bellair, P. E. (1997). Social interaction and community crime: Examining the importance of neighbor networks. *Criminology*, 35 (4), 677–704. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.1997.tb01235.x>
72. Bursik Jr, R. J., Grasmick, H. G. (1999). *Neighborhoods & crime*. Lexington Books.
73. Sabol, W. J., Coulton, C. J., Korbin, J. E. (2004). Building community capacity for violence prevention. *Journal of Interpersonal Violence*, 19 (3), 322–340. <https://doi.org/10.1177/0886260503261155>
74. Warner, B. D., Rountree, P. W. (1997). Local social ties in a community and crime model: Questioning the systemic nature of informal social control. *Social Problems*, 44 (4), 520–536. <https://doi.org/10.1525/sp.1997.44.4.03x0235a>
75. Charkoudian, L., Cosgrove, B. L., Ferrell, D. P., Flower, S. M. (2012). The role of family and prosocial relationships in reducing recidivism. *Corrections Today*, 74 (4), 94–97.
76. Charkoudian, L., Flower, S. M. (2009). Prisoner reentry mediation: Unlocking the potential of relationships in tough economic times. *Dispute Resolution Magazine*, 16, 14–16, 26.
77. Thyer, B. A. (2012). *Quasi-experimental research designs*. Oxford University Press.
78. Shadish, W. R., Cook, T. D., Campbell, D. T. (2002). *Experimental and quasi-experimental designs for generalized causal inference*. Houghton Mifflin.
79. Chapman, J. E., McCart, M. R., Sheidow, A. J. (2017). *Quasi-experimental evaluation of reentry programs in Washington and Linn Counties*. Oregon Social Learning Center. <https://www.oslcdevelopments.org/wp-content/uploads/2017/08/Quasi-Experimental-Evaluation-of-Reentry-Programs-in-Washington-and-Linn-Counties-Final-Report.pdf>
80. US Census Bureau. (2020). *QuickFacts United States; Frederick city, Maryland; Frederick County, Maryland; Hagerstown city, Maryland; Washington County, Maryland*. <https://www.census.gov/quickfacts/fact/table/>
81. StataCorp. (2003). *Stata Statistical Software: Release 8*. StataCorp LP.
82. Apel, R. J., Sweeten, G. (2010). Propensity score matching in criminology and criminal justice. In A. R. Piquero & D. Weisburd (Eds.), *Handbook of quantitative criminology*. Springer. https://doi.org/10.1007/978-0-387-77650-7_26

83. Rosenbaum, P. R., Rubin, D. B. (1983). The central role of the propensity score in observational studies for causal effects. *Biometrika*, 70 (1), 41–55. <https://doi.org/10.1093/biomet/70.1.41>
84. Wilson, J. M., Chermak, S. (2011). Community-driven violence reduction programs: Examining Pittsburgh's One Vision One Life. *Criminology & Public Policy*, 10, 993–1027. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9133.2011.00763.x>
85. Armour, M. P., Sage, J., Rubin, A., Windsor, L. C. (2005). Bridges to life: Evaluation of an in-prison restorative justice intervention. *Medicine and Law*, 24 (4), 831–851.
86. Gilligan, J., Lee, B. (2005). The resolve to stop the violence project: Reducing violence in the community through a jail-based initiative. *Journal of Public Health*, 27 (2), 143–148. <https://doi.org/10.1093/pubmed/fdi011>
87. Koss, M. P. (2014). The RESTORE program of restorative justice for sex crimes: Vision, process, and outcomes. *Journal of Interpersonal Violence*, 29 (9), 1623–1660. <https://doi.org/10.1177/0886260513511537>
88. Epperson, M., Pettus-Davis, C. (Eds.). (2017). *Smart decarceration: Achieving criminal justice transformation in the 21st century*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190858988.003.0010>
89. Charkoudian, L., Walter, J., Harmon-Darrow, C., Bernstein, J. (2021). Mediation in Criminal Misdemeanor Cases, *Criminology, Criminal Justice, Law & Society*, 22 (3), 14–29.

Об авторах

Лориг Чаркудиан, доктор философии, является исполнительным директором Центра медиации штата Мэриленд, членом палаты депутатов штата Мэриленд. Темой ее научных исследований является влияние отдельных аспектов процесса медиации на ее участников, а также широкий анализ затрат и выгод медиации на уровне местных сообществ.

Джейми Л. Уолтер, доктор философии, является директором отдела научных и аналитических программ Управления судебных органов штата Мэриленд. На основе своего 20-летнего опыта исследовательской и аудиторской деятельности она руководила оценкой работы судов по решению проблем, альтернативному разрешению споров, самопомощи, а также программами оказания гражданской правовой помощи.

Кэролайн Хармон-Дэрроу, доктор философии, магистр социальной работы, является старшим специалистом программы по работе с местным сообществом в рамках Инициативы по профилактике рисков среди подростков в Балтиморской школе социальной работы Мэрилендского университета, проводит исследования и обучение в рамках Инициативы штата Мэриленд по борьбе с торговлей людьми. Работая в течение 24 лет медиатором в местном сообществе, она занимается подготовкой, наставничеством и оценкой медиаторов, а также занимает руководящие позиции в местных, уровня штата и общенациональных организациях по разрешению конфликтов.

Джастин Бернштейн, доктор права, магистр наук, является старшим научным сотрудником отдела научных и аналитических программ Управления судебных органов штата Мэриленд. Его работа способствует функционированию судов и руководящей деятельности Управления по осуществлению справедливого и эффективного правосудия для всех.

About the Authors

Lorig Charkoudian, Ph.D., is the executive director of Community Mediation Maryland, and a member of the Maryland House of Delegates. Her research examines the impact of specific aspects of the mediation process on experiences for participants, as well as broader cost-benefit analysis of community mediation.

Jamie L. Walter, Ph.D., is the Research and Analysis Program Director at the Maryland Judiciary's Administrative Office of the Courts. With 20 years of research and evaluation experience, she has lead evaluations of problem-solving courts, alternative dispute resolution, and self-help and civil legal aid programs.

Caroline Harmon-Darrow, Ph.D., M.S.W., is a Senior Community Program Specialist in the Prevention of Adolescent Risks Initiative at the University of Maryland, Baltimore School of Social Work, conducting research and training with the Maryland Human Trafficking Initiative. A community mediator of 24 years, she trains, mentors, and evaluates other mediators, and has held leadership positions in local, state and national conflict resolution organizations.

Justin Bernstein, J.D., M.S., is a senior researcher in the Research and Analysis Program of Maryland's Administrative Office of the Courts. His work supports the operations of the courts and decisionmaking by Judiciary leadership to further the Judiciary's mission of providing fair, efficient, and effective justice for all.

Дата поступления / Received 05.03.2022
Дата принятия в печать / Accepted 29.04.2022